

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Евгения Джен БАРАНОВА

И ВОТ ПРИШЛА ПОЭЗИЯ

Стихотворения

Короткий обморок сирени

Короткий обморок сирени
был неглубок, но Мандельштам
вернул кустарник сизой лени,
лиловых сумерек рукам.

И обморок остался – щуплый
отросток лета на сносях.
Сирень – была. Хотелось щупать,
разламывать, в рисунок взять.

Сирень – была. Сиреневела.
Звала шелковицу в пажи.
Так девочка в наряде смелом
от взрослости своей бежит.

Так мальчик, осознав охоту,
грозит рогаткой воронью.
Короткий обморок. Всего-то?
Сирень-сирень-сирень. Июнь.

Молочник

Был человечком непрочным,
пряником с высохшим дном.
Где же ты, птица-молочник,
скользкий бидон с молоком.

Масло, кефир, простокваша
в год девяносто (какой)
мимо балкона пропляшут:
– Дяденька, есть молоко?

Улица вырастет. Тонок,
лопнет асфальт пузырьком.
Вырвется птица-бочонок,
и улетит молоко.

Детства трава худосочна.
Впрочем, не умер пока,
помни, как птица-молочник
реет среди молока.

Бабушкина почта

«Давай поженимся немедленно,
пока война не началась,
пока с преданиями летними
ещё удерживаем связь.

Я превращаюсь в меланхолика.
Жуки над вишнями снуют.
Что Берислав – четыре домика.
Поедем в Винницу, Анют.

Там Пирогова внуки бросили,
там сосны с детства корабли.
Давай поженимся – до осени
я независим от ИФЛИ.

Жизнь без тебя – котёнок раненый:
все трётся, трётся головой...»
Его убили в Померании,
её убили – под Москвой.

Эволюция

Из подушек на пухлых креслах
в изразцовой печи небесной
на овсянке и молоке
я настаивалась, старела,
целовала, лгала, смелела,
переламываясь в руке.

Я смотрю на себя – не верю:
что мне делать? какому зверю
уподобиться? где найти –
саламандры, лягушки, змеи –
чьи аллели внутри алеют?
кто с фонариком впереди?

С чьим дыханьем чешуекрылым
над смолистой склонюсь могилой
(земляничное слово: лес!)
Плауны привечают гостя,
зеленеют неяркой злостью
и календула, и чабрец.

Может, все-таки к моховидным?
После жизни бревна не видно,
а при жизни – туман свинцов.
Но не выбраться. Давит тайна.
И глядит на меня зеркально
человеческое лицо.

Космогония

Я боюсь, что суп остынет.
Я боюсь, что дом исчезнет,
что останутся от места
ножки, рожки, пенопласт.

Оживёт проспект Вернадский,
встанет панцирем железным,
потечёт слюной по небу
и по совести воздаст.

Уплывут дома-колодцы,
догорят высотки-свечи,
разрастутся снова сосны,
и берёзы, и репей.

И тогда проспект Вернадский,
упадёт землёй на плечи,
превратится вьюга в стаю
очень белых лебедей.

Из земли родится голем,
из него добудут глину,
расфасуют по адамам
для иванов и марушь.

Новый вырастет Вернадский,
леденящий, стройный, длинный,
и в его бетонном пальце
я случайно появлюсь.

Желток

Солнце закатное – дивное солнце.
Страшное солнце. Кровавый желток.
Оком скользит над двубортным оконцем,
огненным лаком ласкает висок.

Лакомка кошка купается в красном,
зубки свои примеряет к руке.
Солнце закатное – солнце безвластных –
топит в туманном своём молоке

Осипа, Анну, кресты под Смоленском,
звёзды на кедах, Рязань, Эр-Рияд.
Или же красит карминовым блеском
то, что советские песни хранят.

Солнце закатное – чёрствое солнце.
Призраки зданий тихонько гудят:
– Друг мой поручик, а, может, вернёмся?..
Но никогда не приходят назад.

Отрепьев

Не бродить по Тушино, как вор,
не тушить капусту для своих.
Смутных мыслей взломанный простор –
танец или бабочка парит.

Или крик, в лужёную гортань
мастером впечатанный немым.
Не томить в околице герань.
Не хранить в хрусталиках жасмин.

Ворожит пропащая Москва:
клюква-брюква, чудо на бобах.
Я иду с Отрепьевым, едва
стылого касаясь рукава.

Где печаль, Григорий, где просчёт?
где Марина – пена – синева?
Я иду с Отрепьевым, ещё
мало понимая, что жива.

Что не мне багряным родником
согрывать народное добро.
Не искать отдушины ни в ком.
Не бродить по Тушино, не бро...

И вот пришла поэзия

И вот пришла поэзия, стоит
в дверях /в сенях/ на самоваре бабой.
И тянет вверх, и тянет говорить,
но горло перехватывает как бы.

И блеск от слов, точнее, гарь горнил,
доспехов блеск, восторг оруженосцев.
И вот пришла поэзия – гони!
Или отдай, но только не потворствуй.

За каждый вымпел, каждый огонёк,
за каждый поэтический окурок,
придётся отвечать, мой королёк,
придётся умирать на партитурах.

Иначе жизнь – бессонная петля.
Ишь, как душа под панцирем клокочет.
И вот пришла поэзия. Ныряй.
Не оставляй свободы многоточьям.

Айседора

Мир устроен очень мудро.
Ночь всегда линяет в утро.
Танцовщице снится паровоз.
И взлетает Айседора,
словно шар, цветной и полый,
словно шарф по лестнице колёс.

Разметались строчки-тени.
Пьёт с провидцем Провиденье.
Из Кореи тянет в Кореиз.
Я любила. Это слишком.
Каждый маменькин парнишка
подтвердит, что love теряет is.

Нравственный закон снаружи
вряд ли будет обнаружен.
Кантом вышивает Фейербах.
Министерство горькой правды
превращает стадо в равных.
Осторожней в мыслях и словах.

Впрочем, стоит ли об этом.
Мы расстались светлым летом.
Ранней/поздней осенью/весной.
Мир устроен очень чётко,
потому пошлю всё к чёрту
и уйду на цыпочках в прибор.

